УДК: 343.3 DOI: 10.12737/19384

СОВРЕМЕННАЯ УГОЛОВНО–ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА: НОВЫЙ ЭТАП ЛИБЕРАЛИЗАЦИИ

Назаренко Г.В.[1]

В предлагаемой статье современная уголовно–правовая политика рассматривается как многомерный социально–правовой феномен. Автор выделяет несколько уровней правовой политики: теоретический, директивный, законодательный, организационный и правоприменительный. В статье показано, что современный этап развития уголовно–правовой политики характеризуется углублением негативных тенденций на всех уровнях разработки, формирования, организации и осуществления уголовной политики. В результате в Уголовном кодексе Российской Федерации появились недействующие нормы и нормы–дублеры, включение которых в уголовный закон создает путаницу и порождает трудности в правоприменительной практике. Казуистичность уголовно–правовой политики проявляется не только в нормах Особенной части Уголовного кодекса РФ, но и в предписаниях Особенной части, что нарушает системность уголовного закона, снижает качество юридических норм и эффективность защиты прав и законных интересов граждан уголовно–правовыми средствами. В целом уголовная политика России на современным этапе имеет рефлексивный характер, так как формы, средства и методы противодействия преступности определяются стихийно, под давлением сложившихся обстоятельств, что свидетельствует об отсутствии научно обоснованной уголовно–правовой политики.

Ключевые слова: уголовно–правовая политика, уровни уголовной политики, негативные тенденции, недействующие нормы, нормы–дублеры, казуистика, рефлексивность политики.

CONTEMPORARY CRIMINAL LAW POLICY: A NEW PHASE OF LIBERALIZATION

NAZARENKO G. V. — Doctor of the Juridical Sciences, Professor of the Department of Criminal Law, Southwest State University, Southwest State University (Russian Federation, Kursk), e–mail:orcrimpravo@yandex.ru

In the article the modern criminal law policy is viewed as a multidimensional socio–legal phenomenon. The author distinguishes several levels of legal policy: theoretical, directive, legislative, institutional and enforcing. The article shows that the modern stage of development of criminal law policy is characterized by strengthening of negative tendencies at all levels of development, formation, organization and implementation of criminal policy. As a result, in the Criminal Code of the Russian Federation inoperative statutes and double regulations appeared, the inclusion of which in the criminal law creates confusion and leads to difficulties in law enforcement practice. Casuistry of criminal law policy is evident not only in norms of the Special part of the Criminal code of the Russian Federation, but also in the requirements of the Special part that violates the consistency of the criminal law, reduces the quality of legal rules and the effective protection of the rights and legitimate interests of citizens by criminal law means. In general criminal policy of Russia at the present stage has the reflective nature, because forms, means and methods of combating crime are determined spontaneously, under the pressure of circumstances, indicating a lack of scientifically proved criminal law policy.

Keywords: criminal policy, criminal policy levels, negative trends, non–performing norms, norms–doubles, casuistry, reflexivity policy.

Назаренко Геннадий Васильевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовное право, Юго-Западный государственный университет, адрес: 305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, д. 94, e–mail:orcrimpravo@yandex.ru

Уголовно–правовая политика как многомерный социально-правовой феномен включает в себя несколько уровней: теоретический (разработка доктринальных оснований противодействия преступности), директивный (формирование обоснованной государственной стратегии борьбы с преступностью), законодательный (создание и развитие нормативной базы, обеспечивающей противодействие преступности), организационный (координация мер борьбы с преступностью в Российской Федерации и ее субъектах) и правоприменительный уровень (применение предписаний уголовного закона в целях реализации задач, обеспечивающих противодействие преступности).

Современный этап развития уголовно–правовой политики характеризуется целым рядом негативных тенденций. В качестве таких тенденций выступают: разбалансированность уголовно-правовой политики, которая нередко воспринимается как отсутствие уголовно-правовой политики, нестабильность уголовного законодательства (в УК РФ за период его действия внесено около трех тысяч изменений и различных поправок), отсутствие единообразия в судебной практике, конъюнктурность и непоследовательность законодательных изменений, нарушающих принципы и систему уголовного законодательства.

В юридической литературе справедливо отмечается, что Уголовный кодекс Российской Федерации, который является средством реализации уголовно–правовой политики, оказался существенно разбалансирован[1] и в настоящее время является внутренне противоречивым[2], нестабильным нормативным актом.3 В течение восемнадцати лет в него внесены многочисленные изменения сотнями федеральных законов, которые вызвали резкую критику специалистов.[4] Из Уголовного кодекса необоснованно исключена одна из наиболее действенных мер борьбы с коррупционерами и расхитителями государственной и муниципальной собственности – конфискация имущества. Кроме того, суду в 2011 г. предоставлено право менять категорию преступления на менее тяжкую (ч. 6 ст. 15 УК), что дает возможность снижать размер наказания независимо от общественной опасности содеянного, а также применять иные меры уголовно–правового характера, не соответствующие категории фактически совершенного деяния.

В юридической литературе последнего десятилетия лейтмотивом большинства публикаций, посвященных правовой политике, является мысль о кризисном состоянии уголовно–правовой политики, ее неадекватности и несоответствии объективным социальным потребностям и естественным ожиданиям общества. Попытки рассмотреть уголовно–правовую политику применительно к качеству уголовного законодательства показывают, что в уголовном праве появились так называемые «мертвые» нормы, то есть нормы, которые не находят применения на практике, так как криминализация деяний, включаемых в уголовный закон, не сопровождается глубокой научной проработкой их общественной опасности. Таковы, например, статьи, предусматривающие торговлю людьми и использование рабского труда (ст.127.1,127.2 УК РФ). Наличие в Уголовном кодексе РФ недействующих норм усугубляется появлением в уголовном законе норм–дублеров, которым искусственно придается статус уголовно–правовых предписаний, якобы представляющих самостоятельные составы преступлений. Так, Федеральный закон от

[1]Гилинский Я.И. Некоторые проблемы формирования современной российской уголовной политики//Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы Международной научно-практической конференции (28-29 января 2016 г.). – Москва, 2016. — С. 12.

[2] Дорогин Д.А. Уголовное право с человеческим лицом. //Указ. сборник. – М., 2016. — С. 18.

[3] Разгильдяев Б.Г., Тарапыгин А.В. «Момент истины» уголовного законодательства Российской Федерации //Указ. сборник. – М., 2016. – С. 22.

[4] Алексеев А.И., Овчинский В.С., Побегайло Э.Ф. Уголовная политика: преодоление кризиса. – М., 2006. – С.10–12; Лопашенко Н.А. Уголовная политика. – М., 2009.—С.223—246; Назаренко Г.В. Политика противодействия коррупции уголовно-правовыми средствами //Среднерусский вестник общественных наук. – Т. 10. – №6. — 2015. – С. 131.

29 ноября 2012 г. №207-ФЗ наряду с действующими нормами, предусматривающими ответственность за мошенничество, включил в УК РФ шесть статей (ст. 159.1-159.6 УК), позиционирующих уголовную ответственность в зависимости от сферы деятельности, в которой совершается мошенничество. В литературе справедливо отмечается, что такого рода нормы создают путаницу и порождают серьезные трудности в правоприменительной практике.[1] Конституционный Суд РФ вполне закономерно признал в постановлении от 11 декабря 2014 г. №32-П, что положения ст. 159.4 УК РФ о мошенничестве в сфере предпринимательства не соответствуют Конституции Российской Федерации. В частности, Конституционный Суд пришел к выводу, что специальная норма установила необоснованные юридические преференции для предпринимателей: в отличие от обычного мошенничества в указанной статье отсутствует целый ряд квалифицированных составов, а мошенничество в крупном и особо крупном размерах для предпринимателей предусмотрено в суммах в шесть раз больших, чем для других субъектов мошенничества. При этом санкции в отношении предпринимателей установлены в два раза ниже, чем для других лиц.

Анализ новелл, включенных в уголовное законодательство, показывает, что законодатель в 2014—2015 гг. продолжал имитировать устранение мнимых пробелов в Уголовном кодексе РФ путем включения в него норм–дублеров. Так, Федеральным законом от 24 ноября 2014 г. №370—ФЗ в очередной раз установлена уголовная ответственность за незаконное изготовление взрывчатых веществ или взрывных устройств (ст. 223.1 УК). Между тем, ответственность за аналогичные действия ранее предусматривалась в первичной редакции ст. 223 УК РФ 1996 г.

В этой связи в юридической литературе справедливо отмечается, что появление в Уголовном кодексе РФ норм–дублеров ведет к нарушению системности уголовного закона, снижению качества юридических норм и недостаточной эффективности уголовно–правовой защиты прав и законных интересов граждан, общества и государства[2], что свидетельствует о серьезных деформациях уголовно–правовой политики, связанных с практикой применения норм–дублеров.

Политика реагирования законодателя на резонансные случаи, получившие освещение в СМИ, неизбежно ведет к появлению проектов казуистических норм, таких как оставление животного в опасности; неоднократное самовольное проникновение на охраняемые объекты; подмена лица, осужденного к отбыванию наказания, другим лицом; злоупотребление в целях взыскания кредиторской задолженности и так далее. В действующем законодательстве указанные действия криминализованы в общих составах преступления и не нуждаются в конструировании специальных норм, иначе Уголовный кодекс РФ со временем может превратиться в подобие казуистичного Уложения о наказаниях 1845 г., содержавшего более двух тысяч статей, в том числе об убийстве брата, убийстве дяди, убийстве мужа и т.п.

Казуистичность уголовно–правовой политики проявляется не только в нормах Особенной части, но и в предписаниях Общей части Уголовного кодекса РФ. Так, Федеральный закон от 29 февраля 2012 г. №14-ФЗ включил в ст. 97 УК РФ пункт «г» о применении принудительных мер медицинского характера к педофилам, совершившим преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, не достигших четырнадцатилетнего возраста. В указанном пункте педофилы поименованы как лица, «страдающие расстройством сексуального предпочтения (педофилией), не исключающим вменяемости». Тем самым законодатель фактически продублировал п. «в» той же статьи, где указаны лица, «совершившие преступления и страдающие психическим расстройством, не исключающим вменяемости».

[1] Волков К.А. «Нормы аватары» в уголовном законе: понятие и проблемы// Указ. сборник. –М., 2016. — С. 106.
[2] Трефимов А.А. Нарушение баланса между общими и специальными нормами в российском уголовном праве. //Указ. сборник. – М., 2016. – С. 109—111.

Законодательная новелла об изменении категории преступления судом вызвала отрицательную оценку ученых как потенциально коррупциогенная, антиконституционная и противоречащая принципам уголовного права.[1] Обращает на себя внимание, что в статистических отчетах Судебного Департамента при Верховном Суде РФ за 2013 г. зафиксированы судебные решения, на основании которых категория совершенного лицом преступления изменена в отношении 3390 осужденных, а в 1914 г. — в отношении 2973 лиц. Причем в большинстве приговоров (53%) суды принимали решения об изменениях категории тяжких преступлений на преступления средней тяжести, что позволило сократить размеры наказания более чем в два раза, хотя реальная опасность совершенных преступлений осталась прежней. Анализ судебной практики показывает, что суды, принимая решения об изменении категории преступлений на менее тяжкую, не указывают конкретные обстоятельства и данные, свидетельствующие о меньшей степени общественной опасности совершенных преступлений. В результате, изменив категорию преступления на менее тяжкую, суды при наличии оснований, предусмотренных статьями 75, 76, 76.1 и 78 УК РФ, освобождают осужденных от отбывания наказания. Деятельность судов в этом направлении показывает, что либеральные тенденции в правоприменительной политике являются преобладающими. Изменения категории преступлений, проводимые судами, влияют на определение рецидива, исключают возможность привлечения к уголовной ответственности за приготовление к тяжким преступлениям, переводимым в категорию преступлений средней тяжести. Эти изменения оказывают воздействие на выбор режима исправительного учреждения в сторону его смягчения, способствуют освобождению от уголовной ответственности и от наказания, а в ряде случаев исключают наличие в содеянном состава преступления (ст. 316 УК и др.).

Изложенное позволяет сделать вывод, что современная российская уголовно–правовая политика, как и уголовная политика в целом, относится к рефлексивному типу. Рефлексивный тип политики складывается путем спонтанного реагирования на криминогенную ситуацию и реакцию общества на резонансные преступления. В таких случаях цели правовой борьбы с преступностью, ее направления, формы, средства и методы определяются стихийно, под давлением сложившихся обстоятельств. Такого рода тип уголовно–правовой политики в отличие от рационального типа отражает непродуманность принимаемых решений. Указанная особенность уголовно–правовой политики дает основание для вывода об отсутствии реалистической, то есть научно–обоснованной политики, а не об отсутствии политики противодействия преступности как таковой.

Библиография/References:

1. Алексеев А.И., Овчинский В.С., Побегайло Э.Ф. Уголовная политика: преодоление кризиса. – М.: Норма, 2006. – 144 с.

2. Волков К.А. «Нормы –аватары» в уголовном законе // Уголовное право стратегия развития в XXI веке: материалы XIII Международной научно–практической конференции. – М.: РГ–Пресс, 2016. – С. 106 – 109.

3. Гилинский Я.И. Некоторые проблемы формирования современной российской уголовной политики // Уголовное право стратегия развития в XXI веке: материалы XIII Международной научно–практической конференции. – М.: РГ–Пресс, 2016. – С. 12 – 14.

4. Дорогин Д.А. Уголовное право с человеческим лицом // Уголовное право стратегия развития в XXI веке: материалы XIII Международной научно— практической конференции. – М.: РГ–Пресс, 2016. – С. 18 – 21.

[1] Скрипченко Н.Ю. Изменение категории преступления (некоторые вопросы правоприменения). //Указ. сборник. – М., 2016. – С. 150–153.

5. Лопашенко Н.А. Уголовная политика. –М.: Волтерс–Клувер, 2009. – 608 с.

6. Назаренко Г.В. Политика противодействия коррупции Уголовно— правыми средствами // Среднерусский вестник общественных наук. – Т. 10. – №6. – 2015. – С.129 – 134.

7. Разгильдиев Б.Г. «Момент истины» уголовного законодательства Российской Федерации // Уголовное право стратегия развития в XXI веке: материалы XIII Международной научно— практической конференции. – М.: РГ–Пресс, 2016. – С. 21 – 24.

8. Скрипченко Н.Ю. Изменение категории преступления (некоторые вопросы правоприменения) // Уголовное право стратегия развития в XXI веке: материалы XIII Международной научно— практической конференции.– М.: РГ–Пресс, 2016. – С. 150 – 153.

1. Alekseev, A.I., Ovchinskii, V.S., Pobegailo, E.F. (2006) Ugolovnaia politika: preodolenie krizisa [Criminal policy: crisis overcoming]. – M.: Norma. – 144 p. (In Russ.)

2. Volkov, K.A. (2016) «Normy–avatary» v ugolovnom zakone ["Norms –avatars" in the criminal law] // Ugolovnoe pravo strategiia razvitiia v XXI veke: materialy XIII Mezhdunarodnoi nauchno–prakticheskoi konferentsii [Criminal law strategy of development in the 21st century: materials XIII of the International scientific and practical conference]. – M.: RG–Press. – P. 106 – 109. (In Russ.)

3. Gilinskii, Ia.I. (2016) Nekotorye problemy formirovaniia sovremennoi rossiiskoi ugolovnoi politiki [Some problems of formation of modern Russian criminal policy] // Ugolovnoe pravo strategiia razvitiia v XXI veke: materialy XIII Mezhdunarodnoi nauchno–prakticheskoi konferentsii [Criminal law strategy of development in the 21st century: materials XIII of the International scientific and practical conference]. – M.: RG–Press. – P. 12 – 14. (In Russ.)

4. Dorogin, D.A. (2016) Ugolovnoe pravo s chelovecheskim litsom [Criminal law with a human face] // Ugolovnoe pravo strategiia razvitiia v XXI veke: materialy XIII Mezhdunarodnoi nauchno— prakticheskoi konferentsii [Criminal law strategy of development in the 21st century: materials XIII of the International scientific and practical conference]. – M.: RG–Press. – P. 18 – 21. (In Russ.)

5. Lopashenko, N.A. (2009) Ugolovnaia politika [Criminal policy]. –M.: Volters–Kluver. – 608 p. (In Russ.)

6. Nazarenko, G.V. (2015) Politika protivodeistviia korruptsii Ugolovno–pravymi sredstvami [Policy of counteraction of corruption by the Criminal – right means] // Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk [Central Russian Journal of Social Sciences]. – T. 10. – №6. – P.129 – 134. (In Russ.)

7. Razgil'diev, B.G. (2016) «Moment istiny» ugolovnogo zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii ["The truth moment" of the criminal legislation of the Russian Federation] // Ugolovnoe pravo strategiia razvitiia v XXI veke: materialy XIII Mezhdunarodnoi nauchno–prakticheskoi konferentsii [Criminal law strategy of development in the 21st century: materials XIII of the International scientific and practical conference]. – M.: RG— Press. – P. 21 – 24. (In Russ.)

8. Skripchenko, N.Iu. (2016) Izmenenie kategorii prestupleniia (nekotorye voprosy pravoprimeneniia) [Change of category of a crime (some questions of right application)] // Ugolovnoe pravo strategiia razvitiia v XXI veke: materialy XIII Mezhdunarodnoi nauchno— prakticheskoi konferentsii [Criminal law strategy of development in the 21st century: materials XIII of the International scientific and practical conference].– M.: RG–Press. – P. 150 – 153. (In Russ.)